

Творческая история
«Оправдания добра» Вл. С. Соловьева
Статья первая

Борис В. Межуев

*МГУ им. М.В. Ломоносова, ИНИОН РАН, Москва, Россия,
borismezhuev@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена воссозданию истории «Оправдания добра» – основного труда Вл. Соловьева в третий период его творческой деятельности. Согласно концепции Е.Н. Трубецкого, Вл. Соловьев в 1890-е гг. радикально пересматривает свою философскую систему, в силу чего сочинения этого периода нельзя воспринимать в качестве продолжения ранних философских трудов. По мнению Э.Л. Радлова, радикального перелома в воззрениях Вл. Соловьева не было, и поэтому «Оправдание добра» следует считать развитием тех идей Вл. Соловьева, что были высказаны в двух его диссертациях. На основании систематического анализа статей Вл. Соловьева за 1894 г. в статье доказывается, что в определенном смысле правы оба исследователя. Вл. Соловьев начинает 1894 г. публикацией отдельных глав своей «Эстетики», еще мысля свою новую философскую систему как развитие прежней – «свободной теософии». Однако в конце того же года он приходит к убеждению, что более убедительным введением в его учение была бы автономная этика, основанная на систематическом анализе идеи добра. Определенный перелом в воззрениях философа в начале 1890-х гг. поэтому действительно можно зафиксировать.

Ключевые слова: Вл. Соловьев, русская религиозная философия, нравственная философия, метафизика, свободная теософия, эстетика, положительная религия

Для цитирования: Межуев Б.В. Творческая история «Оправдания добра» Вл. Соловьева. Статья первая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 2. С. 29–45. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-2-29-45

The creative history
of the “The Justification of good” by V.S. Solovyov
Article One

Boris V. Mezhuyev

*Lomonosov Moscow State University, INION RAS, Moscow, Russia,
borismezhuyev@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the reconstruction of the history for the “The Justification of good” – the main work by V. Solovyov in the third period of his creative activity. According to the concept of E.N. Trubetsky, V. Solovyov radically revised his philosophical system in the 1890s, which is why the writings of that period cannot be perceived as a continuation of early philosophical works. According to E.L. Radlov, there was no radical change in the views of V. Solovyov and thereby “The Justification of good” should be considered a development of those ideas of V. Solovyov that were expressed in two of his dissertations. Based on a systematic analysis of V. Solovyov’s articles for 1894, the author proves that in a certain sense both researchers are right. V. Solovyov began the year 1894 with the publication of selected chapters of his “Aesthetics”, still thinking of his new philosophical system as a development of the earlier – of “free theosophy”. However, at the end of the same year, he comes to the conclusion that a more convincing introduction to his system would be an autonomous ethics based on a systematic analysis of the idea of good. A certain turning point in the philosopher’s views in the early 1890s can therefore really be fixed.

Keywords: Vl. Solovyov, Russian religious philosophy, moral philosophy, metaphysics, free theosophy, aesthetics, positive religion

For citation: Mezhuyev, B.V. (2024), “The creative history of the ‘The Justification of good’ by V.S. Solovyov. Article One”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 29–45, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-2-29-45

Концепция «трех периодов» Е.Н. Трубецкого, изложенная в его книге 1914 г. «Миросозерцание В.С. Соловьева», основывается на допущении, что «Оправдание добра» является не продолжением «Критики отвлеченных начал», а в совокупности с другими задуманными работами «третьего периода» радикально переделанным вариантом нравственной философии Вл. Соловьева, отменяющим ту концепцию, которая легла в основу «Критики». Э.Л. Радлов в своей книге «Владимир Соловьев. Жизнь и учение»¹ придерживался

¹ Радлов Э.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. СПб.: Образование, 1911. 266 с.

иной, альтернативной теории творчества философа: согласно этой теории, отказ от плана переиздания старых работ не был связан с проектом выпуска трех новых книг. После безуспешных усилий примирить русское православие с римским престолом мыслитель просто вернулся к философским занятиям и стал развивать прежнюю систему, к которой ранее он написал критическое введение в виде двух своих диссертаций.

Отказ от переиздания «Критики отвлеченных начал»

Радлов знал о желании своего друга в 1892 г. переиздать ранние работы. В письме к Радлову от 19 мая из Харькова Вл. Соловьев сообщал об этом намерении и мотивировал его в первую очередь финансовыми трудностями:

...сообщаю тебе следующее: более чем вероятно, что в непродолжительном времени я получу 10 000 р. за новое издание «Истории России» 1. 000 за свои три сочинения (новое издание «Кризиса западной философии», «Критики отвлеченных начал» и «Религиозные основы жизни»). Таким образом я не только «изглажу рукописание грех своих», но еще получу возможность «сам быв искушен и искушаемым помощи»².

Вероятно, далеко не случайно Радлов во введении к своей книге 1911 г. сообщал, что первая сумма – за переиздание трудов отца – была философом получена как раз в 1893 г., и именно это сделало возможным его «путешествие за границу с целью отдыха»³. Если предположить, что переиздание старых трудов было нужно Вл. Соловьеву исключительно с целью преодоления финансовых трудностей, то полученные за «Историю России» 10 тысяч решали проблему, и необходимость републикации старых сочинений теряла свою остроту. Е.Н. Трубецкой, как мы увидим, находил совсем другую причину отказа от выпуска старых работ, и, вероятно, он имел на это основание.

Как публикатор писем Вл. Соловьева, Э.Л. Радлов, разумеется, не мог не обратить внимания и на обсуждение той же темы – переиздания «Критики» в начале 1890-х – в переписке с Ф.Б. Гецем

² Соловьев Вл.С. Письма: В 4 т. Т. I. СПб.: Общественная польза, 1908. С. 245.

³ Радлов Э.Л. Указ. соч. С. 24.

(вошедшей во второй том собрания Писем), который, судя по ответным письмам Вл. Соловьева, высказывал ранее желание перевести «Критику отвлеченных начал» на немецкий язык. Как возможно переводчику его работ, Вл. Соловьев рассказывал Гецу более подробно, чем другим корреспондентам, о ходе работы над выпуском нового, переработанного, издания этой книги, которое и следовало использовать для перевода. «Что касается до перевода “Критики отвлеченных начал”, – писал философ своему корреспонденту ориентировочно 30 августа 1892 года (если верить публикатору), – то второе издание мною решено, но лишь с самыми необходимыми переменами. Не знаю, будет ли эта книга достойна немецкого перевода. На днях посоветуюсь кое с кем и пришлю Вам решительный ответ»⁴. Менее чем через две недели, 12 сентября, Вл. Соловьев сообщал тому же корреспонденту, что успел значительно переделать книгу, и она «готова к печати»:

Второе издание «Критики отвлеченных начал» готово к печати, и я буду посылать Вам корректурные листы. К сожалению, я не мог исполнить такой радикальной переделки, какой желал бы, но все-таки книга исправлена значительно и в этом виде может появиться перед немецкой публикой. О подробностях напишу при посылке первого листа⁵.

Затем в переписке с Гецем наступает почти двухлетний перерыв: о дальнейшей судьбе второго издания «Критики» Вл. Соловьев ничего не сообщает до 21 февраля 1895 г. Этим числом датировано письмо, в котором поселившийся в Финляндии, на озере Сайма, Вл. Соловьев информировал Геца о своем решении «вместо 2-го издания “Критики отвлеченных начал” издать «три более зрелые и обстоятельные книги»: «Нравственную философию», «Учение о познании и метафизику» и «Эстетику»⁶.

Все эти эпистолярные свидетельства несомненно были известны Радлову, но они, вероятно, не убеждали его в том, что Вл. Соловьев отказался от переиздания своих старых критических работ в связи с изменением своего мировоззрения. Э.Л. Радлов посвятил очень большой кусок своей книги доказательству того тезиса, что написание книги «Оправдание добра» не было следствием отвержения идей «Критики отвлеченных начал», и между этими рабо-

⁴ Соловьев Вл.С. Письма: В 4 т. Том II. СПб.: Общественная польза, 1909. С. 179.

⁵ Там же. С. 180.

⁶ Там же. С. 182–183.

тами отсутствовали серьезные противоречия: по мнению Радлова, в «Оправдании добра» Вл. Соловьев просто развивал взгляды, впервые сформулированные в его докторской диссертации. Биограф Вл. Соловьева был готов согласиться, что некоторые аспекты этического учения были пересмотрены философом в 1890-е гг. Вл. Соловьев, признавал Э.Л. Радлов, стал более критически относиться к нравственным учениям Канта и Шопенгауэра (о чем Вл. Соловьев открыто признавался в приложении к «Оправданию добра»), однако критика взглядов обоих этих мыслителей имела уже в докторской диссертации, и, по существу, этой критике и была посвящена та ее часть, что касалась этической проблематики. Легко фиксируемое противоречие между утверждением «зависимости» этики от метафизики в «Критике» и отрицанием этой «зависимости» в «Оправдании добра» Радлов посчитал просто «недоразумением». По мнению автора «Жизни и учения», обратившие внимание на это противоречие критики просто не учли наличия разных аспектов взаимоотношений этики с религией и метафизикой, они не поняли, что глубинная зависимость этики от религии не отменяет самостоятельности нравственной философии как науки.

Так как познанием идеального мира занята метафизика и теология, – писал Радлов, – то этика, конечно, зависит от «свободной теософии», но это не мешает нравственной философии быть самостоятельной областью знания, подобно тому, как цельность и единство мира не исключает возможности рассмотрения какой-либо одной категории явлений...⁷

Устранив, по его мнению, это мнимое противоречие, Радлов переходил к рассмотрению того, как в этическом учении Вл. Соловьева рассматривается вопрос о свободе воли, и следует признать, что в этом пункте он еще более запутывал читателя. «Для понимания нравственных явлений, – утверждал он вслед за Вл. Соловьевым, – необходимо лишь предположить существование так называемой нравственной свободы, доказанной фактически, нисколько не заботясь о метафизическом вопросе о свободе воли»⁸. В чем состоит отличие «фактического» от «метафизического» решения вопроса о свободе воли, Радлов не пояснял, равно как и не раскрывал такой загадки, почему этика могла считаться автономной от факта существования мира (что постулировал Вл. Соловьев

⁷ Радлов Э.Л. Указ. соч. С. 180.

⁸ Там же. С. 181.

во введении к своей работе), но при этом оставаться зависимой от так называемой естественной религии, то есть от того, что сам Вл. Соловьев в четвертой главе «Оправдания» называет словом «провидение».

Но вернемся к фактической стороне дела, то есть к тому вопросу, было ли решение приступить к написанию «Оправдания добра» следствием отказа от переиздания «Критики», причем отказа по принципиальным, теоретическим причинам. Радлов, как мы видели, этот факт упорно отрицал, Е.Н. Трубецкой на нем настаивал, и он ссылался в том числе на те обстоятельства жизни Вл. Соловьева, которые были ему известны.

Я отлично помню *внешний* повод этого возврата философа к первой любви его молодости. Вследствие распродажи его «Критики отвлеченных начал» он задумал выпустить ее вторым изданием. Он хотел посвятить это второе издание покойному Б.Н. Чичерину, с которым мне было поручено вести по этому предмету переговоры. Но, когда дело дошло до выполнения этого намерения, простая перепечатка «Критики отвлеченных начал» оказалась невозможной вследствие несоответствия этого произведения с изменившимися воззрениями его автора. Соловьев исправил всего четыре главы, касающиеся нравственной философии Канта, и поместил их в Приложении к «Оправданию Добра». В остальном потребовалось уже не исправление, а полная переработка⁹.

Вероятно, Е.Н. Трубецкой в этой полемике с Э.Л. Радловым был все-таки более прав: к личным воспоминаниям, приводимым им, следует добавить то обстоятельство, что Вл. Соловьев прежде, в период написания ранних работ, отказывался разделять этику, теоретическую философию и эстетику. Весь смысл его «свободной теософии» состоял в отрицании самого разделения добра, истины и красоты, которое выражается в отнесении этики, эстетики и теоретической философии к разным направлениям познания. Философ свидетельствовал об этой неразделимости вполне определенно в письме к А.А. Кирееву, опубликованном во втором томе Писем (оно было датировано публикатором, то есть самим Э.Л. Радловым, 1884 г.). Вл. Соловьев давал понять своему корреспонденту, что без обсуждения церковной проблематики он не может обсуждать теоретические вопросы и, в частности, выпускать сочинение по этике.

⁹ *Трубецкой Е.Н.* Мирозерцание В.С. Соловьева: В 2 т. Т. 2. М.: Медум, 1995. С. 41.

Вы мне советуете писать книгу *об этике*. Но ведь я этику не отделяю от религии, а религию не отделяю от положительного откровения, а положительное откровение не отделяю от *Церкви*. Ото заковыка!

И если мне нельзя свободно писать о церковной заковыке, то я не могу писать и об этике (курсив Вл. Соловьева)¹⁰.

На пути к автономной этике

Итак, вопреки уверениям Э.Л. Радлова, Вл. Соловьев, создавая труд по нравственной философии, должен был пересмотреть свой взгляд на этику как на отчужденное от цельного знания направление духовного познания человека, требующее (с целью восполнения данной односторонности) обязательного соотношения с эстетическими и теоретическими аспектами «свободной теософии». Возникает вопрос, что могло побудить Вл. Соловьева на столь радикальную переделку всей системы. Почему он действительно не мог дополнить «Критику отвлеченных начал» недостающими главами, касающимися вопросов красоты и теургии, и сразу перейти к более масштабным замыслам: сочинению об антихристе, библейской философии и пр.? Почему он делает шаг назад и возвращается к нравственной философии? На этот вопрос, очевидно, возможно несколько ответов, и мы выскажем в настоящей статье одну из вероятных версий.

Вне всякого сомнения, само возвращение к философским занятиям явилось следствием разочарования философа в возможности реализации своего главного общественного проекта – объединения церквей, которое для Вл. Соловьева должно было стать первым шагом на пути к созданию всемирной теократии. От самой идеи теократии философ, однако, в «Оправдании добра» не отказывался, что вынужден был признать и Е.Н. Трубецкой, отмечавший переходный характер этого сочинения.

В «Оправдании Добра» еще нет настоящего отречения от этой мечты, и постольку это произведение продолжает мысли срединного периода творчества Соловьева. Но вместе с тем здесь уже ясно чувствуются зародыши начинающегося разочарования¹¹.

«Разочарование», по мнению Трубецкого, проявилось в обосновании веротерпимости в правильном государственном устройстве,

¹⁰ Соловьев Вл.С. Письма. Т. II. С. 118.

¹¹ Трубецкой Е.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 43.

что не вполне совпадало с тем идеалом теократии, который Вл. Соловьев начертил в работах второго, теократического, периода. Отметим, что утверждаемая Вл. Соловьевым «теократия» должна была быть в первую очередь «свободной»: в этом правильном устройстве удовлетворялись бы все разумные потребности человека. Ровно тот же принцип и лежал в основе идеи «Оправдания добра»: верно понятая нравственная идея оказывалась приложимой ко всем аспектам индивидуальной и социальной жизни человека, а правильно сформулированная нравственная философия, соответственно, наделялась способностью разрешать все этические противоречия, с которыми человек мог бы столкнуться в своей жизни. Согласно формулировке самого Вл. Соловьева, эта сторона идеи добра определялась таким критерием, как «полнота» – заметим, что именно к «полноте» воплощения нравственной идеи в общественной жизни и относился термин «оправдание», определившийся в качестве составной части названия соловьевской работы на самом последнем этапе ее написания¹².

Но вернемся к «теократии»: вне всякого сомнения, при написании этой работы Вл. Соловьев ни в коей мере не отказывается от этой идеи, о чем свидетельствует в первую очередь изначальный план труда по нравственной философии, очень важный для реконструкции замысла работы и его последующей эволюции. Вл. Соловьев составил этот план, вероятно, до начала публикации глав «Оправдания добра», но познакомил он с этим планом своего ближайшего друга и единомышленника С.Н. Трубецкого только 27 декабря 1894 г. Мы обнаруживаем этот план в письме Вл. Соловьева Трубецкому за это число, отправленном из финской Раухи [Борисова и др. 1993, с. 14–15]. Термин «теократия» фигурирует в этом плане трижды: в названиях или подзаголовках IX и X глав: «[Идеал свободной теократии]. Отвлеченный клерикализм и [ложная] мнимая теократия»; «Идеал свободной или истинной теократии». Обе главы (наряду с VIII главой «Государство и Церковь») должны были войти в третью часть книги: «Прикладная этика, или учение о применении нравственного начала к человеческому обществу». На самом деле Вл. Соловьев фактически написал соответствующие этим главам статьи, разместив их в 1895–1896 гг. в «Вестнике Европы». Однако в окончательный текст книги они не попали или, точнее, в книгу вошел лишь один небольшой фрагмент одной из этих статей – «Значение государства» (см. об этом: [Межуев 2020; Межуев 2021]). Причина отсутствия «теократиче-

¹² Соловьев Вл.С. Оправдание добра. Нравственная философия. М.: Типо-литография Д.А. Бонч-Бруевича, 1899. С. 18.

ского» раздела в финальной редакции книга состояла, по тогдашним признаниям самого Вл. Соловьева, в объективной невозможности – по цензурным причинам – высказываться в русской печати откровенно на тему о возможной унии русской Церкви с Римом. В вышеупомянутых двух статьях 1895–1896 гг. – «Значение государства» и «Византизм и Россия» – многие аспекты остались не проясненными, на что философу и указали оппоненты¹³.

При анализе соловьевского творчества следует, нам кажется, руководствоваться прежде всего доверием к словам автора. Изначально Вл. Соловьев собирался в своей книге высказаться о своем идеале теократии, однако нашел это невозможным в том числе по цензурным причинам и предпочел говорить только о том, что представлялось ему допустимым в рамках писанных и неписанных правил того времени. Вероятно, отчасти по той же самой причине Вл. Соловьев не решился продолжить свой цикл о «смысле любви», оформив его в виде труда в том направлении, которое он сам называл «мистической эстетикой». Нельзя исключить, что его представления на этот счет были настолько радикальными, точнее, они настолько выламывались из рамок общественных приличий того времени, что высказать эти мысли Вл. Соловьев мог решиться только при помощи своего рода философских эвфемизмов. Таким «эвфемизмом» и оказалась для философа «нравственная философия»: он обратился к ней по тем причинам, которые мы попытаемся восстановить чуть ниже. Но в каком-то смысле все эти размышления о стыде и аскетической нравственности являлись своего рода ироническим высказыванием, попыткой выразить на очень распространенном в тот момент языке этической проблематики те сюжеты, которые непосредственно выразить было невозможно, что во всяком откровенном разговоре завершилось бы скандалом и сделало бы неуместным содержательную дискуссию. «Автономная этика», во всяком случае в ее аскетическом компоненте, была для Вл. Соловьева неким «эзоповым языком», приемлемым, во-первых, для цензуры, во-вторых, для его ближайших соратников по философскому цеху, которым явно не по душе пришлось «Смысл любви» и которые с видимым напряжением ожидали дальнейших публикаций философа на эту тему, неудобную с точки зрения как религиозных, так и академических научных конвенций. Вл. Соловьев, задумав «Оправдание добра», решил говорить о том, о чем, как он считал, можно было говорить, не боясь прослыть ни еретиком, ни гностиком, ни скрытым папистом. И тем не менее и этот текст он

¹³ О возражениях А.А. Киреева и ответах Вл.С. Соловьева см. статью и публикацию М.В. Медоварова [Медоваров 2021].

нагружает скрытыми смыслами, роднящими его с той самой «мистической эстетикой», которую он в течение семи лет готовился, но не решался выпустить в свет.

Тем не менее есть основание полагать, что в течение 1894 г. в философском мировоззрении Вл. Соловьева произошел некий важный перелом, который проявился в пересмотре всей философской концепции всеединства и в обращении мыслителя именно к нравственной философии, причем в отрыве от положительной религии и метафизики. Напомним, что философ в самом начале этого года приступает к размещению в тех журналах, с которыми он сотрудничает, отдельных глав своего сочинения по эстетике. В «Вопросах философии и психологии» в первом выпуске за 1894 г. появляется финальная часть «Смысла любви», как мы предполагаем, сочинения, продолжавшего эстетический цикл Вл. Соловьева, начатый в том же издании в 1889–1890 годах статьями «Красота в природе» и «Общий смысл искусства»¹⁴. В январском выпуске «Вестника Европы» вышла статья «Первый шаг к положительной эстетике»¹⁵, которую сам философ в письме из Парижа к К.К. Арсеньеву от 18 ноября 1893 г. называл «переделанной главой из приготовленной к печати книги»¹⁶, – речь шла о главе из «Эстетики», которая создавалась философом осенью 1893 года во Франции и потом, судя по его многочисленным эпистолярным признаниям, хранилась в его архиве «наполовину написанной». Однако статья «Первый шаг к положительной эстетике», как мы считаем, отражала тот проект философии всеединства, своеобразным введением в который и была «Критика отвлеченных начал». Характерным признаком этой концепции мог бы считаться максимально возможный синтез различных направлений человеческой деятельности: в частности, искусства, науки и религии. Эти «отвлеченные нача-

¹⁴ *Соловьев Вл. С.* Смысл любви (статья пятая) // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 21 (1). С. 81–96.

¹⁵ *Соловьев Вл. С.* Первый шаг к положительной эстетике // Вестник Европы. 1894. № 1. С. 294–302.

¹⁶ *Соловьев Вл. С.* Письма. Т. II. С. 89. Отметим, что этот номер журнала открывало стихотворение Вл. Соловьева «С Новым годом», под ним было указание о месте и дате его написания: «Париж, дек. 1893». В строках этого стихотворения содержалось довольно откровенное (и вполне прозрачное для всех знающих ситуацию) признание о том, что роковая любовь философа к С.М. Мартыновой (которая и вынудила его на отъезд за границу) осталась в прошлом: «Будем благодарны! Миновала чаша / Страсть перегорела, мы свободны вновь». *Соловьев Вл. С.* Новым годом // Вестник Европы. 1894. № 1. С. 5.

ла», разделяющие «цельное знание» и «цельную жизнь», теоретически упраздняла «свободная теософия» Вл. Соловьева: наряду с «теократией» и «теургией» она выводила человечество к единому движению человеческого духа, которое философ в ранних работах назвал «свободной теофанией».

В «Первом шаге» Вл. Соловьев остро критиковал «эстетический сепаратизм» тех теоретиков искусства, кто полагал, что художественное творчество не должно служить общим целям развития человечества, что художник должен думать только об эстетически прекрасном, только о «красоте формы», и «для него нет ничего важнее на свете» этой красоты¹⁷. Вл. Соловьев находил подобную установку «унижающей» искусство и его творца, которому в этом случае отводилась бы роль фабричного рабочего, заботящегося лишь об одной детали, о «колесике часового механизма» и не имеющего никакого представления о «целях механизма»¹⁸. Не устраивало философа и допущение, что художник, преданный красоте, может служить предполагаемому «общему делу» бессознательно, что связь искусства и высшей «цели исторического развития» находится за пределами сознания творца художественного произведения. Вл. Соловьев пространно доказывал, что человек (и в том числе художник) имеет возможность составить «общее понятие» о направлении исторического развития, о той «предельной» величине, к которой несомненно и непрерывно приближаются *переменные* величины человеческого прогресса, хотя по природе вещей никогда не могут совпасть с нею»¹⁹. Для этого нужно только «обратиться за указаниями не к предвзятым мнениям и дурным инстинктам, а к тем выводам из исторических фактов, за которые ручается разум и свидетельствует совесть»²⁰. По мнению Вл. Соловьева, такой целью являлось укрепление солидарности между людьми всей планеты, и эта солидарность обеспечивалась в том числе процессом «собираения земель»: выражением «собираения земель» философ обозначал колониальный охват мира европейскими державами. Из этого можно заключить, что в конце 1894 г. философ пришел к выводу, что относительный сепаратизм «отвлеченных начал» допустим и даже необходим, что добро, истина и красота – это три автономные пути, которые сойдутся только в своей предельной точке, только при, как выражался философ в «Оправдании добра», «имманентном употреблении» разума и воли на каждом из них. Но возможен и другой вывод, который

⁴ Соловьев Вл.С. Письма: В 4 т. Том II. С. 179.

⁵ Там же. С. 180.

⁶ Там же. С. 182–183.

нам кажется более убедительным, что в 1894 г. философ поначалу пришел к заключению, что, условно говоря, гетерономную эстетику, руководствующуюся идеалом положительного всеединства и принципом всеобщей солидарности, следует предварить автономной этикой. Как предполагал философ, автономная нравственная философия на основании систематической экспликации идеи добра придет к тем самым выводам, которые могут быть положены в основание будущего искусства, или же того типа творчества, которое способно оказаться «выше» искусства.

Один существенный момент, на который следует обратить внимание – используемый Вл. Соловьевым в заглавии статьи термин «положительный». Это определение прямо отсылает ко второй главе докторской диссертации Вл. Соловьева, где философ проводит различие «положительных» начал и начал «отвлеченных»: разница состоит в том, что первые неотделимы от исповедуемой религии, а вторые являются продуктом деятельности разума.

Положительные начала, очевидно, только тогда могут иметь силу над сознанием, когда за ними признается непосредственно сверхчеловеческое происхождение, когда их настоящая, подлинная основа полагается в мире божественном, от которого они и получают свою санкцию; таким образом, эти начала имеют необходимо религиозный характер²¹.

Что касается «отвлеченных», или «отрицательных» начал, то, как пишет Вл. Соловьев, «будучи результатом собственной работы личного сознания, опираясь на исследование нашего разума, они не могут иметь и не требуют никакой высшей, сверхчеловеческой санкции». Проецируя это определение на «положительную эстетику», мы можем прийти к выводу, что таковая эстетика неотделима от ее религиозной задачи, реализация которой требует выхода за пределы того, что именуется «искусством». В «Оправдании добра» эпитет «положительный» встречается много раз, но либо в значении «позитивный» (в смысле не «отрицательный»), либо как синоним слова «конкретный» («положительное содержание»). Во введении к этой книге специально подчеркивается независимость

¹⁷ Соловьев Вл.С. Первый шаг к положительной эстетике... С. 296.

¹⁸ Там же. С. 296–297.

¹⁹ Там же. С. 297.

²⁰ Там же.

²¹ Соловьев Вл.С. Критика отвлеченных начал. М.: Университетская типография, 1880. С. 10.

этики от «положительной религии», то есть конкретной религии, а не религиозности вообще.

Иными словами, с нашей точки зрения, в начале 1894 г. философская деятельность Вл. Соловьева еще во многом является продолжением его оставленного в начале 1880-х проекта «свободной теософии», составной частью которого и должна была стать «положительная эстетика». Однако в течение 1894 г. философ меняет свою точку зрения и приступает к созданию новой системы – без разделения «положительных» и «отвлеченных» начал. В этом плане в каком-то смысле правы оба оппонента: и Радлов, и Евг. Трубецкой. В начале 1894 г. Вл. Соловьев действует еще в логике Радлова: он приступает к публикации глав своей «Эстетики», опираясь на выводы своей докторской диссертации как на своеобразное критическое введение в ряд последующих трудов. Но к его философской работе с конца 1894 г. приложима уже логика Евг. Трубецкого, справедливо увидевшего в «Оправдании добра» разрыв с «Критикой отвлеченных начал».

Что же могло произойти с Вл. Соловьевым в течение года, что он пересмотрел свою точку зрения на «свободную теософию»? Одно обстоятельство позволяет нам сузить временные интервалы для того перелома, который заставил философа оставить публикацию глав по эстетике и перейти к разработке «Оснований нравственной философии». В майском и июньском номерах «Вестника Европы» за 1894 г. Вл. Соловьев публикует две части своего развернутого исследования творчества поэта А.А. Голенищева-Кутузова «Буддийское настроение в поэзии», который в том же году выпустил два тома своих стихотворений и получил от Академии наук Пушкинскую премию²². В своем разборе поэзии А.А. Голенищева-Кутузова философ явно полемизировал со своим вечным оппонентом того времени – Н.Н. Страховым²³. Известный критик уже публиковал в газете «Русь» в мае 1884 г. свой отклик о стихо-

²² *Соловьев Вл.С.* Буддийское настроение в поэзии. I–VI // Вестник Европы. 1894. № 5. С. 329–346; VII–XII. № 6. С. 687–708.

²³ Из дневника учителя детей Л.Н. Толстого В.Ф. Лазурского известно, что Н.Н. Страхов был знаком со статьей Вл. Соловьева о А.А. Голенищева-Кутузове и обсуждал ее в присутствии хозяина Ясной Поляны в июле 1894 г.: как выразился сам Страхов, в этой беседе он «изливал злобу» на своего врага». Очевидно, что впечатление, произведенное этой статьей на критика, было весьма неблагоприятным, и он мог увидеть в ней новый личный выпад. См.: Дневник В.Ф. Лазурского // Литературное наследство. Т. 37–38; Л.Н. Толстой. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 466.

творениях гр. Кутузова, и он воспроизвел вновь свои впечатления и выводы в отчете о присуждении поэту Пушкинской премии. Этот отчет мог быть и неизвестен Вл. Соловьеву, но рецензию в «Руси» он наверняка читал, и ей он косвенно возражал в своем разборе, хотя на нее и не ссылался. Суждения двух мыслителей о поэзии Голенищева-Кутузова были прямо противоположными. В восприятии Страхова Голенищев-Кутузов – средний по своему лирическому таланту поэт, но он обретает силу в своих поэмах «Рассвет», «Дед простил» и «Слабые речи», поскольку выражает в них свою глубокую задушевную мысль – о преимуществе смерти над суетой жизни, превосходстве «отречения от страсти» над «увлечением страстью». Поэт доказывает, что «в смерти больше благодати и красоты, чем на жизненных радостях и стремлениях» людей. Эта мысль явно близка самому критику. Как пишет Страхов в заключении своей заметки 1884 г.:

...смерть имеет свою важность даже по сравнению с внешней и внутренней политикой. Размышлениям о смерти издавна приписывается особая сила и польза, они ведут нас в высокие области²⁴.

В восприятии Вл. Соловьева все обстоит совсем наоборот, для него судьба А.А. Голенищева-Кутузова – яркая иллюстрация к тезису, что слабая, ошибочная мысль – о том самом превосходстве «смерти» над «жизнью» – губит талант, обрекает даровитого поэта на творческое бесплодие.

Из собственного многолетнего опыта, – поэт должен сделать вывод, что его прежнее настроение, будучи бесплодным, не может быть истинным. А отсюда для него должна явиться нравственная необходимость перейти от отрицательного языческого взгляда к положительному, христианскому... <...> Я не хочу допустить, чтобы внушения эгоистического безучастия и мертвой косности действительно заглушили в душе нашего поэта голос лучшего сознания, говорящий о солидарности всех и о том, что его жизнь имеет положительный смысл в свободном движении к совершенной правде, с верою в ее окончательное торжество.

Философ завершает свой развернутый очерк о поэте-пессимисте призывом к нему выйти из затянувшегося на двенадцать

²⁴ *Страхов Н.Н.* Гр. А.А. Голенищев-Кутузов // *Страхов Н.Н.* Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев: Типография И.И. Чоколова, 1897. С. 247.

лет творческого кризиса переходом «от религии смерти к религии воскресения», который мог бы стать «началом воскресения и для его поэтической деятельности»²⁵.

Статья «Буддийское настроение в поэзии», вне всякого сомнения, тематически и содержательно продолжает ход размышлений Вл. Соловьева в «Первом шаге к положительной эстетике»: вскрывающая причины творческого кризиса, постигшего талантливое литератора, философ развивает идею, что поэт должен руководствоваться верным представлением о смысле истории и конечной цели всего сущего, и усматривает эту цель во «всеобщей солидарности», или же «солидарности всех». Уклонение от этой цели приводит художественное творчество к последовательному, но неуклонному оскудению. Такой жесткий ригоризм в области эстетики, безусловно, требовал от философа четкой формулировки главных моральных максим и в том числе объяснения, почему правильно продуманная нравственная система ведет именно к солидарности людей, а не, скажем, к их разъединению, разделению по национально-государственным образованиям или культурно-историческим типам. Из «Критики отвлеченных начал» таких четких нравственных императивов не следовало: докторская диссертация Вл. Соловьева представляла собой критическую работу, и она была написана еще до сближения философа с либеральными кругами. Тем не менее требовать от поэтов выполнения нравственного долга и понимания судеб человечества Вл. Соловьев мог с полным основанием только в том случае, если бы он попытался создать целостную и непротиворечивую систему христианской этики и обосновать ее превосходство над этикой пессимистической, языческой или, условно говоря, «буддийской».

Так что один мотив – отложить на время «Эстетику» ради сочинения по нравственной философии у Вл. Соловьева несомненно был: без мощного этико-религиозного введения «положительная эстетика» с ее пафосом преодоления «искусства» (ради, вероятно, того, что символисты впоследствии назвали бы «жизнетворчеством») выглядела не слишком убедительно.

Источники

Лазурский В.Ф. Дневник // Литературное наследство. Т. 37–38. Л.Н. Толстой. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 443–509.

Радлов Э.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. СПб.: Образование, 1911. 266 с.

²⁵ *Соловьев Вл.С.* Буддийское настроение в поэзии. VII–XII. С. 708.

- Соловьев Вл.С.* Критика отвлеченных начал. М.: Университетская типография, 1880. 445 с.
- Соловьев Вл.С.* Смысл любви (статья пятая) // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 21 (1). С. 81–96.
- Соловьев Вл.С.* Первый шаг к положительной эстетике // Вестник Европы. 1894. № 1. С. 294–302.
- Соловьев Вл.С.* Новым годом // Вестник Европы. 1894. № 1. С. 5.
- Соловьев Вл.С.* Буддийское настроение в поэзии. I–VI // Вестник Европы. 1894. № 5. С. 329–346; VII–XII. № 6. С. 687–708.
- Соловьев Вл.С.* Оправдание добра. Нравственная философия. М.: Типо-литография Д.А. Бонч-Бруевича, 1899. 615 с.
- Соловьев Вл. С.* Письма: В 4 т. Т. I. СПб.: Общественная польза, 1908. 289 с.
- Соловьев Вл.С.* Письма: В 4 т. Т. II. СПб.: Общественная польза, 1909. 374 с.
- Страхов Н.Н.* Гр. А.А. Голенищев-Кутузов // Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 2-е изд., доп. Киев: Типография И.И. Чоколова, 1897. 281 с.
- Трубецкой Е.Н.* Мирозерцание В.С. Соловьева: В 2 т. Т. 2. М.: Медиум, 1995. 619 с.

Литература

- Борисова и др. 1993 – *Борисова И.В., Колеров М.А., Носов А.А.* К истории одной дружбы. В.С. Соловьев и кн. С.Н. Трубецкой // *De Visu*. 1993. № 8 (9). С. 5–23.
- Медоваров 2021 – *Медоваров М.В.* Полемика Владимира Соловьева и Александра Киреева о соединении церквей в 1897 году: хронология, контекст, источники // *Соловьёвские исследования*. 2021. Вып. 3 (71). С. 22–63.
- Межуев 2020 – *Межуев Б.В.* «Значение государства» – византийская идея на страницах либерального журнала // *Соловьёвские исследования*. 2020. № 3. С. 10–25.
- Межуев 2021 – *Межуев Б.В.* «Смысл войны» Вл. Соловьева и русское общество // *Вопросы философии*. 2021. № 2. С. 126–136.

References

- Borisova, I.V., Kolerov, M.A. and Nosov, A.A. (1993), “On the History of a Friendship by V.S. Solovyov and prince S.N. Trubetskoy”, *De Visu*, no. 8 (9), pp. 5–23.
- Medovarov, M.V. (2021), “The Dispute between Vladimir Solovyov and Alexander Kireev about the Unification of Churches in 1897. Chronology, Context, Sources”, *Solov'evskie issledovaniya*, no. 3 (67), pp. 22–63.
- Mezhuev, B.V. (2020), “‘The Meaning of State’ – the Byzantine Idea on the Pages of the Liberal Journal”, *Solov'evskie issledovaniya*, no. 3 (67), pp. 10–25.
- Mezhuev, B.V. (2021), “‘The Meaning of War’ by Vl.S. Soloviev and the Russian Society”, *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 126–136.

Информация об авторе

Борис В. Межуев, кандидат философских наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4; borismezhuev@yandex.ru

Information about the author

Boris V. Mezhev, Cand. of Sci. (Philosophy), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 27/4, Lomonosovskii Avenue, Moscow, Russia, 119234; borismezhuev@yandex.ru